

ОРЕЛ КАК СИМВОЛ ВЛАСТИ У РИМЛЯН

Основателем римского государства традиция называет Ромула. Однако символы царской власти появились в Риме с приходом этрусков, которые с начала VI в. до н.э. установили свою династию.

К этим символам относятся связки прутьев со вложенными в них топорами (фасции), что означало власть над жизнью и телом гражданина, тога с пурпурной каймой, курульное кресло (кресло из слоновой кости), скипетр, который венчал орел - птица Юпитера. Из всех перечисленных инсигний особое внимание привлекает орел. Возведение его в ранг символа царской власти при этрусках возможно связано с тем, что орел предсказал Лукумону, будущему Тарквинию Древнему, царский престол в Риме (Liv. I. 34. 8 - 9). Но и до появления этрусков в Риме древнейшие обитатели Лация с уважением относились к орлу. По свидетельству Плиния старшего (Н. Н. X. 3), из всех птиц орел наиболее почитаемый: он самый сильный, его никогда не поражает гром, а соприкосновение с ним оказывает губительное воздействие. Так, положенные рядом с орлиными перьями, перья других птиц начинали портиться (Pluf. Q. Conp. V. 7).

Помимо слова *aquila*, которым обозначался орел, латинский язык сохранил еще одно слово - *Sanqualis* - прилагательное, относящееся в текстах к существительному *avis* (птица). В классическую эпоху это прилагательное вышло из широкого употребления. Встретить его можно только у энциклопедиста I в. н.э. Плиния Старшего (Н. п. X. 8). Этимология этого прилагательного указывает на то, что оно происходит от *Sancus*. Санк был верховным богом неба у сабинян - одного из италийских племен и ближайшего соседа римлян считался прародителем сабинян (Dionys. II. 49). Птица *Sanqualis*, посвященная Санку, по-видимому, была орланом-белохвостом. С древнейшего времени орлы, как и другие виды семейства ястребиных, сопутствовали богам неба и считались священными. По всей видимости, такая практика была распространена среди индоевропейских народов классической древности: греческий Зевс, римский Юпитер, сабинский Санк - боги неба и дневного света, и каждому сопутствует орел¹. Кроме того, орел у римлян назывался *armifer Jovis* (Plin. Н. п. X. 3) - несущий оружие Юпитера, т.е. молнию. Поэтому становится понятным появление орла среди символов царской власти в архаическом Риме.

Как вестник Юпитера орел сообщал людям волю небожителей. Правильное ее истолкование давало человеку возможность сохранять *pac deorum* - расположение, благосклонность богов. Обязанность истолкования знаков, подаваемых птицами, возлагалась на коллегия авгуров. Со временем искусство наблюдения за птицами было доведено у римлян до такого совершенства, что приобрело вид научной системы (Cic. Div. II. 74).

Птицы, за которыми наблюдали авгуры, делились на *alites* - дающих знаки полетом и *oscines* - предвещающих криком. Орел относится к категории *alites*, т.е. надо было следить за направлением его полета, высотой, на которой он держится, последовательностью взмахов крыльями. Между птицами существовала также своя иерархия, и знак, данный орлом, имел большее значение, чем например, знак, поданный вороном². Итак, с древнейшего времени орел встречается в двух сферах общественной жизни - светской и сакральной, причем, как это свойственно античности, обе они неотделимы друг от друга.

С установлением новой формы правления, которую римляне называли *res publica* (общественное дело), римская община вступила в период длительного формирования гражданского коллектива - *цивitas*. Преемниками царской власти и знаков ее отличия стали выборные магистраты - преторы, а затем консулы. Первоначально они были командирами центуриатной армии, а потом власть этих гражданских магистратов имеет военное происхождение.

В республиканскую эпоху орел становится наиболее заметным в военной сфере в качестве легионного знака. По свидетельству Плиния Старшего (Н. п. X. 5), орел стал легионным знаком во второе консульство Гая Мария (104 г. до н.э.). Именно с этого времени начинают историю как символ легиона исследователи римской армии³. В то же время Тацит (*Ann.* II. 17) называет орла исконной святыней легиона. А Плиний (Н. п. X. 5) дает интересное объяснение появлению орла как легионного знака: и раньше орел был первым знаком легиона вместе с четырьмя другими: волком, минотавром, конем, кабаном, которые возглавляли отдельные боевые порядки. Попутно следует заметить, что все пять животных, изображенные на штандартах, повидимому, были тотемами, отражавшими религиозные верования пастушеско-земледельческого коллектива⁴. Но потом, как повествует Плиний, сложился обычай в сражение брать только одних орлов, а остальных оставлять в лагере. Марий же отказался от них совсем. Трудно сказать, с чем связано предпочтение орла как легионного знака. Но и после Мария боевые порядки продолжали сохранять свои прежние штандарты⁵.

Античные авторы содержат сведения и о месте орла в легионе. В каждом легионе у римлян было 10 когорт. Орла получала первая когорта. Это - главное знамя римского войска, одновременно являвшееся знаменем легиона. Когорта, имевшая орла, была главою легиона, с нее начинал строиться фронт (*Veget.* II. 6). Орел находился под надзором центуриона первой центурии первого манипула первой когорты, т.е. старшего по рангу центуриона в легионе. На марше он стоял во главе легиона, во время битвы - за первой когортой. По мнению Т. Моммзена, орел имел тактическое значение: он должен был показывать место нахождения штаба⁶. Однако эта точка зрения не нашла поддержки. Точная локализация орлоносца (в битве - за первой когортой) свидетельствует в пользу того, что он был пехотинцем⁷.

Орлоносец, как глава легиона получал почет и уважение (Veget. II. 8) Цезарь (B. G. V. 37) и Тацит (Hist. III. 22; Ann. I. 39), описывая действия орлоносцев в конкретных сражениях, называют их по именам, которые, по видимому, надолго оставались в памяти современников как имена солдат, приумноживших воинскую славу Рима. Орлоносец не только отвечал за целостность и сохранность легионного орла, но и за исход всего предприятия. С этой точки зрения привлекает внимание описание первой переправы Цезаря в Британию (Caes. B. G. IV. 25). Когда солдаты из-за глубины не решались спрыгивать с кораблей, «орлоносец 9-го легиона обратился с мольбой к богам, чтобы его поступок принес счастье легиону... С громким призывом он бросился с корабля и пошел с орлом на врагов». В данной ситуации орлоносец шел на верную гибель и делал это сознательно. На мой взгляд, его поступок можно уподобить *devotio*, т.е. самопожертвованию, добровольному обречению себя подземным богам, что должно было даровать победу всему войску. Преимущественное право совершать этот религиозный обряд, по всей видимости, принадлежало орлоносцу. На этом, очевидно, и основывались почет и уважение, которые оказывались ему в легионе. День рождения орлоносца праздновался, как и день учреждения легиона⁸. В выше описанном поведении орлоносца скрывался еще один расчет. Его поступок должен был избавить солдат от колебаний и заставить их пойти в наступление, так как в случае его гибели легион мог потерять орла, что было не просто воинским бесславием, но и грозило легиону расформированием. В битве орел, как и остальные знамена, был центром сплочения всех сил. В критической ситуации близость к нему помогла солдатам овладеть собой и продолжить сопротивление. Поэтому не случайно с древнейшего времени римляне прибегали к такой военной хитрости: знамена бросали в гущу неприятельских рядов, а страх потерять их заставлял солдат действовать решительнее⁹. Колеблющийся знаменосец мог расстроить замыслы полководца, а потому расправа с ним была скорой¹⁰.

Орел был не только знаком легиона, но и его святыней. Он обеспечивал защиту и покровительство со стороны богов, а потому, сам был объектом почитания (Suet. Cal. 14. 3). Спасаясь от мятежных ветеранов Германика, Мунаций Планк, как пишет Тацит (Ann. I. 39), укрылся в лагере I-го легиона. «Там, обняв значки и орла, он искал спасения под защитой этих святынь». Орел, как и другие штандарты, находился в святилище (*aedes*), расположенном в центре лагеря возле претория - палатки полководца, которая по своему виду напоминала храм (Joseph. B. Jud. III. 5. 2)¹¹. Это был сакральный центр римского лагеря. В то же время и лагерь воспринимался как религиозный микрокосм самого Рима и имел много символических связей с этим священным городом¹². Поэтому убийство человека, прибегавшего к защите орла, было таким же святотатством, как и убийство у алтаря. Совершившие такое преступление оскверняли не только себя, но и своих потомков.

Орел легиона изображался с распростертыми крыльями, в когтях он держал золотую молнию. Сам же орел был из серебра. Распростертые крылья орла символизировали, что легион постоянно пребывает под счастливыми авгуриями, и указывали ему путь к победе. В императорское время в подражание восточной роскоши весь орел делался из золота. Известно, что штандартом персидских царей начиная с Кира Старшего, основателя державы, и вплоть до похода Александра Македонского был золотой орел на длинном копье с распростертыми крыльями (Xenoph. Cyrop. VII. 1; Anab. 1. 10. 1; Curf. Ruf. III. 3. 16).

Все выше приведенные свидетельства источников представляют орла в военной сфере, что казалось бы не имеет прямого отношения к государственной власти. Подобная точка зрения, например, встречается в работе А. Соловьева, опубликованной в сборнике «Семинар Кондакова». По утверждению автора, орел у римлян был только военным символом, государственных же символов римляне не знали вообще¹³. Однако один из самых драматических эпизодов римской истории - заговор Катилины - вносит существенные коррективы в это утверждение. Оратор Цицерон и историк Саллюстий оставили во многом сходные описания этого события. Так, оба они сообщают, что Катилина завладел серебряным орлом, по преданию находившимся в войске Гая Мария во время войны с кимврами (Sall. Cat. 59. 3.). Цицерон с возмущением говорит, что у себя в доме Катилина устроил «нечестивую божницу» для орла. «Ты, - продолжает он, не раз возносил к нему моления, отправляясь на резню, и после прикосновения к его алтарю, твоя нечестивая рука... переходила к убийству граждан» (Cic. Cat. I. 24; II. 13). Здесь встречается уже знакомая ситуация: орел выступает в роли защитника человека и его поступков. Не только ли поэтому Катилина так дорожит им, что вызывает нескрываемое раздражение у Цицерона? Цицерон (Cat. II. 13) приводит подробный перечень всего того, чем незаконно завладел Катилина: секиры, ликторские связки, трубы, военные знаки, наконец, знаменитый серебряный орел Мария. То есть, военные знаки и орел неотделимы от знаков власти, восходящих еще к царской эпохе, - секир и ликторских связок. Саллюстий (Cat. 36. 1) все незаконные приобретения Катилины называет фасциями (т.е. секирами и ликторскими связками) и добавляет к ним «другие знаки власти», находившиеся у Катилины. Все это позволяет утверждать, что Катилина присвоил себе империй - власть, которую имели только высшие римские магистраты. Обладание империям, хотя и незаконное, давало Катилине право командования войском состоящим, из римских граждан, и оправдывало его поведение в глазах рядовых римлян. Ниспровергая устои республики, он тем не менее опирался на основу римской конституции - империй, который включал в себя комплекс прав: наказания, юрисдикции, инициативы и, наконец, самое важное - право командования войском. А так как военное командование было только одной из функций исполнительной власти, то и символы этого командования - военные знаки и орел - были наряду с фасциями высшей магистратской власти в республиканское время.

Как уже упоминалось, орел был приоритетной птицей в авгуриях, которыми пронизана вся жизнь римского государства. Правда, в военной области римлянам пришлось рано отказаться от гадания по полету птиц и заменить его наблюдением за тем, как цыплята берут корм. Однако, если птица Юпитера как-то проявляла себя, этого нельзя было не учесть. Неожиданное появление орлов над войском считалось предзнаменованием великого и блестящего успеха (Тас. Ann. II. 17; Hist. I. 62). Более того, если прилетевшие орлы оставались при войске, то полководцы считали достойным кормить их на общественный счет, пока орлы не улетали (App. В. С. IV. 101). Если же на глазах у всех становился жертвой другой птицы, например, ястреба, то это грозило сокрушительным поражением (Aischyl. Pers. 206 - 210).

Источником предзнаменований могли стать и изображения легионных орлов. Греческий историк Дион Кассий (2-я пол. II в. - 1-я пол. III в. н.э.) так описывает предзнаменования, которые были даны Гнею Помпею, сыну Помпея Великого, перед битвой при Мунде (45 г. до н.э.): «Орлы Помпеевых легионов потрясли крыльями и выронили молнии, которые они держали в когтях... Казалось, они осыпали Помпея угрозами поражения и добровольно улетали к Цезарю». Но сын великого полководца оставил этот знак без внимания, так как, по выражению Диона, «Судьба уже вела его» (XLIII. 35).

Ауспиции являлись делом государственной важности, а потому наблюдения за орлами в войске считалось частью государственной сакральной практики. Римская республика не знала сферы профессиональной политики, для нее характерна «невыведенность» политики из жизни вообще, а значит, она не знала и особых государственных символов. Поэтому легионный орел, как и другие военные знаки, был одновременно символом государственной власти, а фасциями - символами этой власти - обладали высшие военные командиры.

Ситуация не изменилась и в эпоху империи. По словам Иосифа Флавия (В. Jud. III. 6), орел для римлян был символом империи и предзнаменованием победы над любым противником. Впоследствии он оказался тесно связанным с культом императора. Очевидно, этому способствовало то, что орел предрек власть основателю империи Августу, когда тот был еще ребенком (Suet. Aug. 94. 7). По представлению римлян, орел уносил на небеса душу усопшего императора, которого с этих пор они почитали наравне с другими богами (Herod. IV. 2. II). Отображение подобного представления встречается на монетах, посвященных обожествлению императора. На них изображен либо один орел, либо орел, несущий императора на своей спине, при этом орел в когтях держит молнию.

Орел, известный главным образом как знак легиона, символизировал в то же время причастность к государственной власти в силу специфики античного общества с его неотделенностью политической сферы от сакральной и военной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О связи орла с богами свидетельствуют также тексты другого индо-европейского народа, обитавшего на п-ове Малая Азия, хеттов. В них сохранился перечень символов, которые использовались в ритуалах и культах. Это статуэтки божеств, которые снабжались определенными атрибутами, чаще всего копьем, и дополнялись фигурками птиц. Среди последних встречается орел. (Ардинба В.Г. После словие. // *Герни О.* Хетты. М., 1987. С. 207). В индуизме верховный бог Вишну восседал на орлиноподобной птице Гаруде (Meysers Enzyklopädisches Lexikon. Bd. I. Mannheim, 1971. S. 285).

² Подробнее об этом: *Сидорович О.В.* Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в древнем Риме. М., 1994.

³ *Domaszewski A.* Aquila. Der Zegionsadler // Paulys Real. Encyclopädie der classichen altertumswissenschaft. Bd. II. Stuttgart, 1896. S. 317.

⁴ *Helgeland J.* Roman Army Religion // Aufstieg und Niederdang der Römischen weet. II. 16.2. Berlin, 1978. P. 1476; Keppie Z. The Making of the Roman Army. From Republic to Empire. Totowa, 1984. P. 67.

⁵ *Keppie Z.* Op. cit. P. 67.

⁶ Это утверждение Т. Моммзена приводит А. Домашевский (Domaszewski A. Op. Cit. S. 317).

⁷ *Domaszewski A.* Op. Cit.

⁸ *Domaszewski A.* Op. Cit.

⁹ Liv III. 70. 10; VI. 8. 3; XXV. 14. 3; XXVII. 14. 8; XXXIV. 46. 12; XLI. 4. 2; Flor. I. II. 2; Plut. Aem. 20; Sull. 21; Fronfin. Strat. II. 8.1, 8.2, 8.3, 8.4.

¹⁰ Liv. IV. 47.2; Frontin. Strat. II. 8.8.

¹¹ *Helgeland J.* Op. Cit. P. 1476. Святилище, где помещался орел, вместе с палаткой полководца образовывали principia - главную площадку в лагере (Birley E. The Religion of the Roman Army: 1895-1977 // Aufstieg und Niederhanh der Römischen Welt. II.16.2. Berlin, 1978. P. 1539).

¹² *Helgeland j.* Op. Cit. P. 1501 f.

¹³ *Solovjev A. V.* Zes emblemes héraldiques de Byzance et les slaves // Seminaium Konda-Kovianum. Сб. Статей по археологии и византиноведению. VII Praha, 1935. P. 126.

СИДОРОВИЧ Ольга Витольдовна, кандидат исторических наук, доцент Кафедры всеобщей истории РГГУ, специалист по истории Древнего Рима, член Всероссийской ассоциации антиковедов, г. Москва.